

НАД РОДИНОЙ...
(Вечерний июнь)

Над Родиной, в тоске полынных трав,
Заходит солнце Спаса ярим оком.
Несутся табуны, хвосты задрал,
И березняк сочится свежим соком.

Течет светила огненный металл
На холм, открытый сказочным красотам,
Где я, как в детстве, руки разметал,
Чтоб насладиться девственным полетом.

«Не покидай меня, моя весна!» —
Кричу и не надеюсь докричаться.
Пока придет последняя война,
Позволь пребывать в уделе домочадца.

Позволь успеть благословить судьбу
За то, что жил в «неправильные» годы.
Но заступил Батыеву тропу
В урочный час свинцовой непогоды...

И бешено бежит по жилам кровь,
И мреет над рекой горячий аэр.
«Не покидай меня, моя любовь!»
Не оставляй извергнутым из рая.

Не покидай!
 Но близок смутный час.
Лишь вспомнится, наверно, накануне:
Сребристый облак. В небе — Волопас
Над Родиной в полуночном июне!

НА ТРОИЦУ

Покуда уныния грех не утих
И в душу метет листопадом,
На помощь приходят изограф и мних
И вкупе становятся рядом...

Андрей Владиславович Шацков родился в 1952 году в Москве. Автор одиннадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и многих литературных премий. Креативный главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Проживает в Москве и в Рузе.

Пусть в Троицын день со смятенной душой,
Забывшей про Божие слово,
Пребудут в скорбях над тщетой, надо лжой
Три лика Андрея Рублева.

Три ангела в блеске цветенья поры,
В июньской, безоблачной сини
Раскинут крыла от библейской горы
До северных храмов России.

И ляжет на мир благодатная сень,
Даруя живому прохладу.
И Символом Веры отмеченный день
Со звонниц шагнет за ограду.

И будет ниспослан Березовый Дух
Развеять уныния иго...
И Сергия слово ложится на слух,
И легче — унынья верига!

ВДОХНОВЕНИЕ

Когда туманы млечны и легки
И утвердилось лето на престоле,
Как женщина, тропинкой вдоль реки,
Выходит утром вдохновенье в поле.

Как короток зари июньской век,
Вознесшей в небо вдохновенья пламя...
Но остановит время плавный бег
И пухом закружит над тополями.

И нежный абрис женского лица
Проявится в строке неясной тенью...
И нету слаще крестных мук Творца,
Спешащего навстречу вдохновенью!

СОРОКОВИНЫ

«Вот и лето, мама, снова лето.
Майский куст давным-давно цветет...»
Я живу — один, как странно это,
И веду сороковинам счет.

Трое суток... девять суток... сорок
И конец... Один всему конец.
Словно ворон, кружит черный морок,
И из снов ушел к тебе отец.

Ты устала, как же ты устала,
Если не смогла поднять глаза
На того, кому сиротство стало
Вечным словом...

Неба бирюза

Не синее взоров юной мамы,
Что глядят с портретов прошлых лет.
В траурном убранстве фоторамы
Сутемью замглился белый свет.

В старом кресле засыпает кошка,
Без хозяйки, погасив зрачки.
В недрах холодильника картошка
Выпускает первые ростки.

И крестом лежали мамы руки,
Те — что в детстве нянчили меня.
И стояли сумрачные внуки,
Перед гробом головы клоня.

Ты увидишь райские долины,
Если существует где-то рай.
Вот и все... Идут сороковины,
Бытия земного горький край.

Я застыл безмолвно и упрямо,
Скорбно в землю упирая взгляд:
«Вот и лето, снова лето, мама,
И апрель не возвратит назад!»

ЯСЕНЕВО (Диптих)

I.

Мне в это лето возвращенья нет.
И в этот дом не будет возвращенья.
Над Ясеновом звезд прощальный свет
И ясней серебряных свеченье.

За «Узким» в узких берегах пруды
И стены обветшалые усадьбы.
И ангельские крылья из слюды
Стрекоз,
творящих призрачные свадьбы.

Но не сложились судьбы и стихи.
И помнится, как горестная притча:

У церкви ограды — лопухи,
Невнятен глас невидимого притча.

В снега уходят: судьбы, имена.
В сугробах путь к утерянному раю...
Наш общий грех возьму на рамена
И понесу к неведомому краю.

II.

Над Ясеновом солнце и дожди...
Судьба опять ведет меня по кругу:
Переживать забытую разлуку
И возвращать на прежние пути.

С кем ты скучала, Ясная моя?
Кого ждала под вечер на пороге?
Он не писал тебе такие строки,
Но стать сумел удачливей меня.

И горько мне у твоего причала
То, что зовется в книгах «Отчий дым».
Я знал, что я тебе необходим.
Жаль, ты об этом ничего не знала...

Над Ясеновом стай стрижиных всхлип.
И самый долгий день на всю округу,
И я бреду, твою сжимая руку,
Среди до неба вымахавших лип.

Пустых внутри,
 как чаша причащенья,
На дне которой сумеречен свет...
И я шепчу: разлуки вечной — нет,
Но к прошлому не будет возвращенья!

ПЕРЕД ТЕМ, КАК УЙТИ

Перед тем, как уйти в немоту, в темноту,
Оглянусь и к коленям твоим припаду.

Захочу заповедать, сказать, объяснить,
Что у нашей реки, где зеленая снить,
Где, не зная покоя, свистят кулики,
Где в прощанье слились две щеки, две руки
В угасающем отблеске летнего дня,
Ты должна иногда вспоминать про меня!

Чтобы снова и снова шептала листва
Позабывтые в прошлом стихи и слова.

И звучали любви неземной голоса,
Поднимаясь туманом ночным в небеса.
Где на облаке светлом, под звездным венцом,
Будут ждать меня мама об руку с отцом.
Скажет мама: «Наверно, от суетных дел
Ты, как зазимком битый, мой сын, поседел.
Неужели никто в этом мире, сынок,
Приголубить тебя вместо мамы не смог?»

Перед тем, как навек улететь в синеву,
Поцелую сухими губами траву,
Где когда-то в следах потаенно-босых
Поутру высохали разливы росы.
Ворожила кукушка, и пел Гамаюн,
Прославляя июнь, светозарный июнь!..

Не по первому снегу — последнему льду,
Я по россыпи белых ромашек уйду!

И СНОВА ЛЕТО

И снова лето. Преклони
Перед влюбленностью колени!
Какие солнечные дни
И полдни без намека тени!

Как раскаленный воздух сух!
Какой дурманнный дух от сена!
Кружится тополиный пух,
И перед ним склони колена!

Взойди на холм. Взойди вдвоем,
Чтоб лучше виделось с обрыва,
Как светозарен окоем,
Как замерли неторопливо:

Литое зеркало воды
И чаек вычурные позы...
И только блестками слюды
Парят над озером стрекозы.

И я, запутавшись во лжи
И в объясненьях с кем попало,
Спешу упасть в объятья ржи,
Чтоб, руки разметав устало,

Следить, как снизойдет на нас
Ликующе и вдохновенно
Благословенный летний час —
Июня час благословенный!